

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 101 (05)

Память и время

В. Д. Губин

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6

Для цитирования: *Губин В. Д.* Память и время // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 2. С. 358–368.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.211>

Статья посвящена философским аспектам теории памяти, тому, как память делает возможным для нас переживание времени. Автор полагает, что некоторые проблемы памяти нуждаются в более подробном освещении, и предлагает свои соображения о взаимосвязи памяти и времени. Материал разбит на три раздела: «Память и прошлое», «Память и настоящее», «Память и будущее». В первом разделе рассматривается тот факт, что для человека он сам, его мир, история, культура обладают смыслом постольку, поскольку проработаны памятью, прошли через горнило воспоминаний. И все, что видит человек сквозь тень памяти, кажется преображенным, наполненным смысла, таинственным, парадоксальным. Мир таким и является на самом деле и открывается нам благодаря работе памяти. Во втором разделе показывается, что для живой памяти нет разрыва на прошлое, настоящее и будущее. И все давно умершее, ушедшее, с точки зрения обыденного сознания, на самом деле существует сейчас, есть. Память не восстанавливает прошлое, оно его все время порождает, не дает ему исчезнуть. В третьем разделе анализируется то обстоятельство, что мы всегда уже в будущем по отношению к прошлому, которое пытаемся вспомнить. Будущее — кровь настоящего. Настоящее и прошлое являются живыми, поскольку на них падает ответ будущего. Все, что не просто вспомнито, а восстановлено творческим воображением, не меняется, живет вечно. Все это позволяет говорить о воспоминании будущего. Парадоксальная структура воспоминания делает для нас возможным жить во времени, творить окружающий мир и самих себя.

Ключевые слова: память, память как основа духовности, живая и мертвая память, фантазия, воображение, непостижимое воспоминание, память и вечность.

Работа посвящена философскому аспекту проблемы памяти. Исследование не касается, насколько это возможно, исторических и культурно-социальных составляющих данного феномена, связи памяти и мозга. Память в данном случае совер-

шенно парадоксальная человеческая способность, не поддающаяся никаким однозначным определениям. Можно, например, сказать, что память — это особенность сознания сохранять в себе внешние воздействия. Но где сохранять? В мозгу? Однако мозг пребывает всегда в настоящем. В текстах и продуктах культуры? Но тексты, стереотипы восприятия, знания — это только следы, отложения памяти, в которых памяти уже нет, она ушла. Память в философском плане вообще нельзя определить как совокупность чего-то — образов, слов, приемов, правил. Свидетельства памяти не лежат в глубине сознания как картошка в мешке. Можно сказать, что памяти в философском смысле нет как чего-то устойчивого, определенного. Память — это дух. Память и дух суть синонимы. А. Бергсон считал, что если дух — это некая реальность, то именно здесь, в явлениях памяти, мы сможем его коснуться экспериментально. Мы живем в духе, погружаясь в память. Но, несмотря на «нереальность» памяти, она представляет собой могучую силу, поскольку обладает всеми признаками бытия. Часто память заставляет человека тяжело страдать, хотя причины страдания давно уже не существует; она может снова и снова заставить нас переживать мгновения ошеломляющего счастья давно ушедших дней. И эти переживаемые мгновения могут подтолкнуть нас к новому решению забытых проблем. Все скрыто во мне, в моей памяти, а не во внешних обстоятельствах. О настоящем, полагает Бергсон, можно сказать, что оно «было», так как все настоящее мгновенно становится прошлым, иначе оно не могло бы пройти, а о прошлом, живущем в памяти, — что оно «есть», поскольку оно вечно, оно дано на все времена, его уже нельзя изменить.

Память не автоматически дающееся наследие, нужны большие и постоянно возобновляющиеся усилия, чтобы что-то запомнить. Забывать естественно, а помнить — искусственно. Человек на протяжении всей своей истории придумывает различные способы и приемы запоминания, постоянно стремится расширить и углубить свою память. И все время жалуется на слабость памяти, на то, что нельзя удержать в памяти и сотой доли того, что было увидено или прочитано. Утешает только одно: все это было питанием, способствующим росту и развитию внутреннего мира, многое завязывается в нас помимо наших сознательных усилий, и это многое часто составляет самое существенное, что есть в нас.

Память — это целая вселенная. Мир в большой своей части состоит из воспоминаний, и этот мир гораздо реальнее и существеннее той действительности, которая нас непосредственно окружает. Глядя в звездное небо, мы видим созвездия такими, какими они были миллионы лет назад — столько времени их свет шел до нас. Мы видим прошлое, и вся Вселенная представляет собой память о прошлом.

Огромен мир памяти, о богатстве которого мы чаще всего не подозреваем. Человек, по каким-либо причинам отрезанный от этого богатства, представляет собой бесплотную тень, которая живет в призрачном плоском мире, лишенном рельефа и глубины. Только память делает возможными и наши чувства, и наши переживания, и сознание в целом. И пока мы прислушиваемся к своей памяти, вглядываемся в ее глубины, она является мощным препятствием для лени ума, душевной вялости и угрожающего безумия.

Потеря памяти — самая страшная катастрофа для человека. Что может быть более трагическим, чем оглянуться и ничего не увидеть? Поэтому мы постоянно оглядываемся на прошлое, оглядываемся от рождения до старости. Идут ли за

нами родители? Продолжает ли существовать мир таким, каким он был вчера? Почему вроде бы давно и прочно забытое вдруг всплывает явственно и убедительно? Мы постоянно оглядываемся, захваченные прошлым. Но все время оглядываться опасно — превратишься в соляной столб. И не оглядываться нельзя.

Наше бытие отличается от бытия камня, или дерева, или животного: они всегда только в настоящем, у них существование разбивается на бесконечное количество неотличимых друг от друга отдельных мгновений. А человека постоянно преследует прошлое. Сожаление о том, что оно уходит, что все было не так, как хотелось бы, что хорошо бы еще раз попробовать, и одновременно страх не сбыться, не состояться, если что-то самое важное из прошлого забыто, утрачено.

Память делает возможным мое существование, благодаря ей я имею отношение к бытию, тем большее, чем больше я помню. И чем больше я помню, тем осмысленнее я живу. Переживать, мыслить — означает помнить. Я прежде всего человек помнящий.

Память и прошлое

а) Прошлое как продукт памяти

Главный вопрос, неизбежно возникающий при анализе памяти, — это вопрос о том, как память конструирует, изобретает время, создает прошлое, настоящее и будущее. При рассмотрении этих трех времен в их отношении к памяти мы сталкиваемся с неизбежной принципиальной трудностью, которая выражается в том, что мы не можем в памяти достичь ни прошлого как такового, ни настоящего, ни будущего. Нам хочется достичь прошлого в прошлом, а мы это прошлое все время улавливаем в настоящем, получаем прошлое-настоящее, поскольку мы всегда в настоящем по отношению к прошлому, даже если мы говорим об идеях Платона или Аристотеля, о машинах Архимеда и т. д. Точно так же мы имеем дело с настоящим-будущим, поскольку мы всегда уже в будущем по отношению к любому прошлому. Августин в своем известном отрывке из «Исповеди», посвященном времени, полагал, что в нашей душе существуют три времени: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание. Мы хотели бы показать, что все три времени — это память в разных временных горизонтах и с одинаковой невозможностью объективной реализации этих горизонтов.

Прежде всего прошлое. Никакого прошлого «вообще», неизменного и вечного, нет. Такое прошлое подобно кантовской вещи в себе: мы ничего не можем о нем сказать. И мы никогда не узнаем, писал Д. Лоуэнталь, каким оно, прошлое, было для тех, кто там действительно жил. Прошлое, по его мнению, — это неизвестная, незнакомая нам страна, чей образ вылеплен из наших желаний и пристрастий, мы пытаемся сохранить его черты, но у нас нет уверенности в том, что оно вообще существовало в какой-нибудь другом виде, чем тот, в котором мы его представляем. «Лишь изменяя и добавляя нечто к тому, что уберегли, мы можем сделать наше историческое наследие реальным, живым и доступным пониманию... Без прошлого, которое в такой же степени податливо, сколь и тщательно охраняемо, настоящее было бы лишено вдохновляющих его образцов, а будущее — его живительной связи с прошлым» [1, с. 618].

Вспомнить — значит превратить в мысль, в образ, в ощущение. Воспоминания в определенном смысле продукт нашего искусства, искусства работы с сознанием. Все окружающее обладает для нас смыслом, поскольку прошло через горнило воспоминаний. И все, что видит человек сквозь тень памяти, кажется преображенным, исполненным значимости, таинственным, парадоксальным. Мир таким и является на самом деле и открывается нам благодаря работе памяти.

Из практического каждодневного опыта вообще мало что можно извлечь. Говорят, что вдохновение, любовь, страх — всегда в настоящем, а воспоминания о них — это уже призраки прошлого, тени, живущие на дне души. Но только в воспоминании, поддержанные силой воображения, прежние переживания вновь становятся живыми, объемными, целостными, подлинными. В настоящем я переживаю только отдельные, отрывистые и часто не связанные друг с другом впечатления. Теперь, вспоминая, я испытываю чувство жалости, страха или трепета по отношению к тем давно ушедшим дням, и то, что со мной случилось когда-то, становится для меня сейчас неким целостным событием, изменившим мою жизнь. И, возможно, мое сегодняшнее воспоминание сильнее той любви в прошлом по влиянию на меня, по тому потрясению, если мне действительно удалось оживить это прошлое. Переживание любви в повседневном настоящем и ожившие воспоминания о ней соотносятся друг с другом как злободневный репортаж и художественный роман. «Есть два прошлых: прошлое, которое было и которое исчезло, и прошлое, которое и сейчас для нас есть как составная часть нашего настоящего. Второе прошлое, существующее в памяти настоящего, есть уже совсем другое прошлое, прошлое преображенное и просветленное, относительно его мы совершили творческий акт, и оно вошло в состав нашего настоящего...» [2, с. 285].

Правда, то обстоятельство, что мы в каком-то смысле являемся хозяевами прошлого, можем распоряжаться им, несет в себе опасность поспешных толкований и манипуляций. «Открытое для манипуляций прошлое не только подрывает правду истории, но и влечет за собой хрупкое настоящее и предвещает шаткое будущее» [1, с. 619].

б) «Чистая» память и прошлое

Чтобы вспомнить что-то конкретное, надо быть способным помнить и вспоминать вообще, обладать как бы «чистой» памятью. Эта память никогда не выражается адекватно в каких-либо конкретных воспоминаниях. Память — это не только воспоминания о прошлых событиях, людях, переживаниях. Это также память как длящееся состояние памяти. Мы все время пытаемся что-то вспомнить, мы начинаем вспоминать о «другом мире», «другой жизни», которые забыты или прячутся от нас в нашем повседневном существовании. Вспомнить о мире чистой актуальности, о мире, где живут творчество, любовь, вера и к которому мы лишь иногда прорываемся в редкие мгновения. Способность видеть, чувствовать, воображать, пытаться вспомнить эту «истинную», прячущуюся от нас реальность является способностью, лежащей в основе философии, религии, науки, искусства. Неважно, что было на самом деле, важно, что я усиливаюсь помнить. Почему бы, спрашивал М. Пруст в своем романе «В поисках утраченного времени», не попытаться вспомнить то время, когда нас вообще не было на свете? Может быть, в загадочной,

крошечной темноте прошлого есть воспоминания, находящиеся далеко за пределами моей жизни в образе человека?

Это, по выражению К. Ясперса, «непостижимое воспоминание» можно весьма приблизительно объяснить через феномен дежавю («уже виденное»). А. Бергсон говорил о некоем ложном сознании, длящемся несколько мгновений. В «Воспоминании настоящего» он писал, что бывают мгновения остановки потока сознания, когда я чем-нибудь удивлен или потрясен, — тогда мое воспоминание догоняет восприятие, и человек чувствует, что уже видел эту местность, слышал это слово.

Мне представляется, что момент дежавю может присутствовать в каждом акте воспоминания. У каждого в жизни были минуты, когда мир ему «открывался», потрясал своей странностью, красотой, значительностью, хотя человек мог этого актуально не осознавать. Это момент, в котором нет времени, момент, в котором можно почувствовать прикосновение вечности. И в каждом дальнейшем удивлении, взволнованности, потрясении все время вспоминаются подобные состояния. Быть в таком состоянии и значит быть в памяти как стихии. «Как известно, личность становится сама собой благодаря памяти, и ее утрата приводит к идиотии. То же самое можно сказать и о Вселенной. Без вечности, без этого сокровенного и хрупкого зеркала, в котором отражается то, что прошло через души людей, всеобщая история — утраченное время, в котором утрачена и наша личная история, и все это превращает жизнь в какую-то странную химеру» [3, с. 90].

Память возможна только на фоне вечности, с точки зрения вечности, при участии вечности в каждом поступке или переживании. Пытаясь прояснить сущность исторического познания в его отличии от естественно-научного, О. Шпенглер писал, что картина истории есть картина памяти. Это разновидность фантазии, которая позволяет пережить отдельное мгновение с точки зрения вечности. И только с этой точки зрения мы можем, утверждает автор «Заката Европы», не просто строить научные теории, а созерцать прошлое и будущее, обращать вспять самопознание и самоисповедание.

2. Память и настоящее

а) Память живая и мертвая

Основная задача человека помнящего — освободиться от мертвой памяти, чей объем намного превышает живую память. Для живой памяти нет разрыва на прошлое, настоящее и будущее. И все давно умершее, ушедшее с точки зрения обыденного сознания на самом деле существует сейчас, оно есть. И Сократ с хитрой улыбкой, как и прежде, приводит в растерянность своих оппонентов. Он и сейчас живой, много живее наших современников. Если бы он оставался только в прошлом, как музейный экспонат, то это был бы не Сократ. Поскольку мы переживаем его тексты сейчас, то это не просто переживание, а переживание-воспоминание. Только живая память и является свидетельницей прошлых событий и переживаний. Когда Сократа, высказавшего мысль — «добродетель есть знание», и, следовательно, знающий о том, что такое добро и что такое зло, никогда будет делать последнего — упрекали в наивности, — ведь, сколько в жизни встречается умных, знающих людей, сознательно творящих зло — то Сократ мог

бы ответить: «Да нет же! Эти люди не знают, что такое добро и зло. Знать — это нечто совсем другое».

Знать — значит обладать живой истиной. Истина всегда живая, иначе это не истина. Она рождается из глубины души и, стремясь к ней, человек изменяется сам. И вера должна быть живой, ибо Бог есть Бог живых. И память должна быть живой. Иначе мы имеем дело не с памятью, а с набором рефлекторных реакций на повторяющиеся события: если мы не будем их хранить в своей голове на все случаи жизни, то обязательно рано или поздно попадем впросак.

Сократ продолжает свой вечный спор, Элоиза все так же сидит печальная на могиле Абеяра и мечтает воссоединиться с ним после своей смерти, а Паскаль по-прежнему ужасается загадочному молчанию бесконечных звездных глубин. Все это — не лирико-фантастическое допущение, не игра воображения. Память не восстанавливает прошлое, оно его все время порождает, не дает ему исчезнуть. Без этого мир, представляющий нашему сознанию, был бы невозможен. Память снова и снова возрождает прошлое в настоящем. Без этого вообще нет времени.

Живая память подобна любви, которой у большинства людей никогда не было и не могло быть. Тем не менее она пронизывает каждую минуту существования. В воспоминании о первых поцелуях, об опыте разлуки, о стыде первой близости, а главное, об острой тоске повседневного существования без любви. Эта любовь, сплетенная из переживаний, обжигающих ощущений, из воздушных замков мечты, всегда жила в каждом человеке и составляет важнейшую часть его души. Только на ее фоне возможны влюбленности, романы и романчики.

На реальное осуществление этой великой любви не хватит никакой жизни, поэтому смерть как неотвязная тень незримо присутствует даже в самые счастливые мгновения жизни, и именно в такие мгновения каждый страшится будущего вечного отсутствия. Мы рождаемся на время, а умираем навсегда. Но, возможно, мы рождаемся снова и снова, только мы не помним своих прежних воплощений. А может — все это фантазии разума, боящегося смерти? А. Ахматова писала: «Но я предупреждаю вас, что я живу в последний раз». И мы должны жить так, как будто мы живем не в первый раз и не в последний. Эта уверенность, вне зависимости от ее истинности или ложности — основа нашей памяти, как и нашего сознания. Иногда кажется, что мы родились снова, не успев умереть. Постоянно, но, как правило, незаметно происходит узнавание себя, встреча с самим собой, тем, кем я был в прошлой жизни (или прошлых жизнях): глядя на куст, осыпанный огромными розовыми цветами, словно посылающий мне привет; на ребенка, который улыбается, пристально рассматривая меня, словно пытается вспомнить. Глядя на величественный летний закат, когда огромные корабли облаков медленно поворачиваются и уходят за горизонт, хочется воскликнуть: да был я уже в этом мире и не один раз видел все это! Мы ничего не можем вспомнить конкретного из своих прошлых существований, но мы должны жить так, как если бы они, эти существования, были. Я никогда не узнаю, живу я в первый раз или уже присутствовал здесь. Я могу быть только уверен в том, что присутствовал всегда. Это не уверенность ученого или страстно верующего, это состояние любого человека, если он попал в стихию памяти. Если я никогда не был и когда-либо не буду, то память, в силу своей кратковременности и слабости, не имеет смысла. Память — это важнейшая метафизическая составляющая нашей жизни, такая же, как любовь, совесть,

доброта и т. д. «Метафизикой, — писал М. К. Мамардашвили, — мы и будем называть нечто, чему нельзя придать смысл в рамках нашей жизни и ее условий. Например, есть такой термин, или понятие, или качество — “доброта”. Вы не можете слову или представлению “доброта” придать смысл в рамках условий и пределов нашей жизни. Потому что, если вы должны доброту определить только в рамках условий своей жизни, то она не имеет смысла...» [4, с. 57].

б) Чистая память и настоящее

Всякое воспоминание окружено горизонтом других воспоминаний, и только на этом фоне оно является воспоминанием достоверным. Окружающий нас мир культуры — это бесконечно многообразные пласты воспоминаний, фон, который со всех сторон окружает меня и мое время. Даже если это не моя память, я все равно вписываюсь в этот фон. Это как бы «жизненный мир» в феноменологической философии. Я много помню из того, что никогда не переживал, но эти не мои переживания каким-то образом прорастают во мне. «Я зарастаю памятью, / Как лесом зарастает пустошь...» (Д. Самойлов). Например, страх нескольких поколений, образовавшийся во времена «великих чисток», массовых репрессий, живет во мне и будет, возможно, жить в моих потомках, поскольку, как утверждают исследователи, он оставил свой след в каждом человеке чуть ли не на генетическом уровне. Эта память гораздо сильнее, чем конкретное воспоминание. Это память не только о гибели конкретных людей, это чистая память о страхе вообще, о хрупкости человеческой жизни, о ненадежности институтов цивилизации.

Память, как и восприятие, имеет пространственные и временные горизонты, и все, что было до меня, живет во мне неведомым и непонятным образом, без всяких усилий с моей стороны. Можно лишь пребывать в странной уверенности, что я все помню. То, чего я не помню, не существует. Нельзя начать вспоминать — чтобы вспоминать, надо уже быть в памяти.

Думать — значит искать в своих мыслях отголоски чужих, заставить их звучать наподобие эха в твоём сознании. Чистая память, считал С. Л. Франк, звучит в настоящем, как «беззвучный» голос, слова которого «первично не выражают ни предметного бытия как такового, в его немом, холодном объективном содержании, ни “моего субъективного впечатления” от него.... Слово в первичном смысле не говорит о чем-либо, и в нем не высказывается “субъективное” существо человека. В слове обретает голос сама реальность — само непостижимое...» [5, с. 478].

Чистая память — это слова, с которыми она все время обращается к нам, но мы чаще всего не понимаем ее обращений. И не поймем, если будем трактовать память пространственно — то как вместилище, то как восковой оттиск, то как набор нервных клеток, кладовую, блокнот, бессознательное, прячущееся где-то позади сознания. Возможно, память есть лишь непрерывный разговор, который ведет мое сознание со мной. В этом разговоре, повествовании, память и проявляется.

Если попытаться подслушать этот разговор и выразить в словах, то придешь к тем же мыслям, к которым пришли великие художники и глубокие мыслители. Истина одна. И работа, производимая памятью, одна и та же. Только находясь в этом море памяти, мы полностью присутствуем в мире. Если есть полное присутствие, то есть все.

3. Память и будущее

а) Реальность будущего

Мир в любой момент уже сложился в законченную целостность, а сознание видит его еще незавершенным, незаконченным, видит всегда открывающиеся возможности. В прошлое, которое мы вспоминаем, влетают наши надежды и ожидания, изучая прошлое, мы пытаемся нащупать тенденции, которые в будущем приведут к тем или иным последствиям. Говорят, нет более бесплодного занятия, чем рассуждения о том, «что было бы, если бы все пошло иначе». Но размышления над инвариантами не напрасный труд, они помогают понять будущие тенденции. Лишь в перспективе таких предположений возможно вообще какое-либо извлечение уроков из истории. Чтобы понимать мотивы людей, действовавших в прошлом, надо видеть альтернативы, которые видели они. События прошлого пребывают неизменными только в учебнике, знание фактов истории делает ее лишь абстрактной схемой.

Мы не могли бы жить в мертвом, окаменевшем мире. Мы всегда в будущем по отношению к прошлому, которое пытаемся вспомнить. Будущее — кровь настоящего. Настоящее и прошлое являются живыми, поскольку на них падает ответ будущего — на лица, события, вещи, произведения. Если будущее не брезжит впереди, то существование становится чисто механическим, человек живет как бы по инерции. Жизнь старых людей, не живущих напряженной внутренней жизнью, очень часто является примером такого существования. Правда, сохраняются некоторые иллюзии и надежды (продолжиться в детях и внуках, если они есть, продолжиться в трудах, если они еще кому-нибудь нужны), которые, как правило, поддерживают некоторую осмысленность жизни.

Мы смотрим из будущего, глядя на фотографии и портреты начала XX в., кануна страшных перемен, мы знаем, что большинство людей умерли не по естественным причинам: их ждали мировая война, революция, гражданская война, красный террор, голод. И все это каким-то непостижимым образом уже написано на их застывших на фото лицах и возвышает эти впечатления до трагического уровня.

Будущее самым непосредственным образом формирует память. Оно даже изменяет прошлое, т. е. то, что не должно изменяться. Оно его расцветивает, украшает, облагораживает. «По мере того, — писала М. Степанова по поводу фотографии, — как растет временное расстояние, отделяющее мертвых от нас, их черно-белые черты становятся все более прекрасными и благородными, я застала то время, когда расхожая фраза “Какие удивительные лица, сейчас таких нет!” относилась только к дореволюционным фотографиям — сейчас так же говорят и про солдат Второй мировой, и про студентов шестидесятых. И все это чистая правда: сейчас таких нет. Мы не они, они не мы» [6, с. 362]. Все это и есть воспоминание о будущем, делающее возможным прошлое. Почему эти лица кажутся нам прекрасными? В силу ностальгических переживаний? Скорее потому, что мы в них видим самих себя, не столько в прошлом, сколько в будущем, освобожденных от всех случайностей быта, социальных перипетий, болезней. Мы всегда одни и те же, но следующим поколениям, возможно, тоже будем казаться удивительными.

б) Память как любовь к будущему

Все, что не просто вспомнано, а восстановлено воображением, не меняется, живет и будет жить вечно, поскольку переживания, породившие когда-то эти воспоминания, возникают снова и снова, даже если умерли люди, впервые их запечатлевшие. Каким-то образом оно прорастает в потомках. Часто сложно разобраться — имеем ли мы дело с воспоминаниями или с предвосхищением будущего. Никакое прошлое невозможно без будущего, но и будущее невозможно без прошлого. Человек часто стремится наложить на будущее уже известные схемы прошлого — стандарты поведения и мышления, способы решения проблем, рецепты преодоления трудностей. И тем самым его память из будущего делает прошлое. Это чисто механическая попытка преодолеть будущее, поскольку будущее может не состояться, поскольку оно может быть хуже, наконец, в будущем ожидает смерть. Лучше, если будущее никогда не наступит. Пусть будет постоянное настоящее. Люди всеми силами стараются завтра сделать точно таким же, как сегодня. И чаще всего это получается. Но «настоящее без будущего, — писал М. Мерло-Понти, — или вечное настоящее есть точное определение смерти, а живое настоящее разрывается между прошлым, которое оно возобновляет, и будущим, которое оно намечает» [7, с. 427].

Только стремлением к будущему можно оправдать прошлое и настоящее. Если я не вижу будущего, значит, я ничему не научился у прошлого, значит, в моей памяти прошлое осталось мертвым грузом фактов и сведений, загромаждающим и закрывающим будущее. А человек должен готовиться к будущему, любить будущее, так же как и людей, которые будут жить тогда. Возможно, они будут более мудрыми и прекрасными, в том числе и благодаря его усилиям. Как утверждал чеховский полковник Вершинин («Три сестры»), через двести-триста лет жизнь на земле обязательно будет невообразимо прекрасной и изумительной. И если ее еще нет, то мы должны ее предчувствовать, мечтать, готовиться к ней, и знать больше, чем видели и знали наши предки.

Ф. Ницше, воюя с христианской моралью, проповедовал любовь к дальнему, к тому человеку, который появится в будущем в результате серьезной внутренней работы, когда будет «сформовано, сломано, выковано, разорвано, обожжено, закалено, очищено» его существо. Современный человек в массе своей к такой работе не способен. Ницше противопоставляет «страну отцов» и «страну детей». Возможно, то, что не удалось отцам, удастся детям, писал он в книге «Так говорил Заратустра». Любить надо не прошлое или настоящее, а будущее, дальнее. Кто живет «дальним», для того любовь к жизни есть любовь к высшей надежде. Любовь к дальнему означает любовь к человеку, удаленному от нас на такую высоту, на которой он может стать для нас звездой.

***

Мы как духовные существа живем одновременно в трех временах. Если мы хотим что-то вспомнить из прошлого, нам нужно будущее, если мы пытаемся заглянуть в будущее, нам необходимо прошлое. Без него будущее темно и страшно. И каждое прочувствованное настоящее есть уже наступающее прошлое, на которое будущее наложило свой отпечаток. Эта парадоксальная структура воспоминания позволяет нам жить осмысленно и творчески. Жить творчески — значит

пытаться увидеть действительность в свете живой памяти, т. е. в первом свете, как бы впервые. В первом свете все живое. И все новое. «Еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма» (Евангелие от Иоанна).

Литература

1. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 620 с.
2. Бердяев Н. А. Я и мир объектов // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 213–317.
3. Борхес Х. Л. История вечности // Борхес Х. Л. Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения. СПб.: Северо-Запад, 1992. С. 76–94.
4. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М.: Ad Marginem, 1995. 547 с.
5. Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183–527.
6. Степанова М. М. Памяти памяти. Романс. М.: Новое издательство, 2018. 408 с.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.; СПб.: Наука, 1999. 602 с.

Статья поступила в редакцию 17 августа 2018 г.;
рекомендована в печать 7 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Губин Валерий Дмитриевич — д-р филос. наук, проф.; goubin@list.ru

Memory and time

V. D. Gubin

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russian Federation

For citation: Gubin V. D. Memory and time. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 2, pp. 358–368. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.211> (In Russian)

The article is devoted to the philosophical aspects of the theory of memory, that is how memory makes possible the experience of time for us. The material is divided into three parts: 1) “Memory and the past”; 2) “Memory and the present”; 3) “Memory and the future”. In the first section it is considered that for a person, oneself, one’s world, history, culture have a sense of being worked through memory, passed through the crucible of memories. And everything that a person sees through the shadow of memory seems to be transfigured, filled with meaning, mysterious, paradoxical. The world in fact is revealed to us through the work of memory. Its main function is to return the past, revive it, melt its frozen outlines, re-live it again. In the second section it is shown that for a living memory there is no rupture between the past, the present and the future. And all the long-dead, gone, from the point of view of everyday consciousness, factually is. Memory does not restore the past, it always generates it, does not allow it to disappear. In the third section we analyze the fact that we are always in the future in relation to the past that we are trying to remember. The future is the blood of the present. The present and the past are alive, because they are shrouded in the future. Everything that is not just remembered, but restored by creative imagination, does not change, it lives forever. All this allows us to talk about the memory of the future. The paradoxical structure of the memory makes it possible for us to live in time and create the world around us and ourselves.

Keywords: memory, memory as the basis of spirituality, living and dead memory, fantasy, imagination, inconceivable memory, memory and eternity.

References

1. Louental, D. (2004), *Proshloe — chuzhaia strana* [Past is a sovereign country], Vladimir Dal' Publ., St. Petersburg, Russia. (In Russian)
2. Berdiaev, N. A. (1994), "Ia i mir ob"ektov" [I and the world of objects], in Berdiaev, N. A. *Filosofia svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit], Respublika Publ., Moscow, Russia, pp. 230–317. (In Russian)
3. Borges, J. L. (1992), "Istoriia vechnosti" [History of Eternity], in Borhes, J. L. *Kollektsiia: Rasskazy; Esse; Stikhotvoreniia* [Collection: Stories; Esses: Poems], Severo-Zapad Publ., St. Peterburg, Russia, pp. 76–94. (In Russian)
4. Mamardashvili, M. K. (1995), *Lektsii o Pruste* [Lectures on Proust], Ad Marginem Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
5. Frank, S. L. (1990), "Nepostizhimoe" [Incomprehensible], in Frank, S. L. *Sochineniia* [Writings], Pravda Publ., Moscow, Russia, pp. 183–527. (In Russian)
6. Stepanova, M. M. (2018), *Pamiati pamiati. Romance* [Memory of memory. Romance], Novoe izdatel'stvo Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
7. Merleau-Ponty, M. (1999), *Phenomenology of perception*, Rus. ed., Nauka Publ., St. Peterburg, Russia. (In Russian)

Received: August 17, 2018

Accepted: February 7, 2019

Author's information:

Valerii D. Gubin — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; goubin@list.ru